

заболеваний обнаруживает тенденцию к «омоложению»; внешняя миграция хотя и растет, не компенсирует убыль населения Беларуси ни по количественным, ни по качественным параметрам.

Никто из практиков и ученых не сомневается в том, что жизнь все расставит по своим местам, и, скорее всего, реальные показатели демографического развития не будут в полной мере соответствовать прогнозируемым тем, которые представлены в программах демографической безопасности, в их целевых параметрах. К этому выводу подводят и результаты анализа демографического развития Беларуси в предшествующий период – в 2005-2010 гг. Но тот же жизненный опыт настоятельно требует не пускать вопросы демографического развития «на самотек».

Население живет и развивается в конкретных социально-природных, социально-политических, социально-экономических и социально-культурных условиях. Уровень демографического развития – это результат воздействия множества разнопорядковых факторов. Их учет и использование в практике регулирования демографических процессов не только представляется возможным, но и является необходимым.

Выбор наиболее значимых на данном этапе факторов демографического развития Беларуси должен строиться на научной основе, в структуру которой входит знание основных закономерностей социально-демографического развития. Сегодня в Беларуси есть те, кто грамотно, опираясь на знания в области демографической динамики, способны разрабатывать нормативную базу демографической политики, включая Государственные программы демографической безопасности. Есть грамотные управленцы, которые способны на практике реализовывать целевые мероприятия социально-демографической политики. В то же время все эти действующие лица нуждаются в постоянном обмене передовым опытом, расширении своих знаний в области демографии, более глубоком осмыслении демографических проблем общественного развития. Социальная демография как интегральная дисциплина, объединяющая на основе социологической методологии сложившиеся в современной демографии научные подходы, может стать действенным «инструментом» в практике регулирования демографических процессов.

Список цитированных источников

1. Лапина, С.В. Структура и динамика ценностных ориентаций студентов Беларуси и Польши (компаративный анализ) / С.В. Лапина, Г.М. Грибов // *Filozoficzno-kulturowe i prawno-gospodarcze aspekty procesow integracyjnych w Europie srodkowo-wschodniej*. – Białystok, 2007. – 13 с.
2. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / А.Н.Данилов [и др.]; под ред. Д.М. Булынько, А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2009. – 224 с.
3. Лапина, С.В. Социальная демография: научное обеспечение демографической политики РБ / С.В. Лапина, Л.Н. Арсюткина. – Минск: БелИСА, 2012. – 109 с.

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Лапина И.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Общественные преобразования в любом государстве закономерно вызывают изменения в правоприменении и правопонимании юридических норм, в оценке преступного характера тех или иных фактических обстоятельств. Одним из сложных негативных социально-правовых явлений такого порядка является коррупция. Известное че-

повечеству с давних времен, это явление и по сей день является настоящим «бичом» общества и государства.

Упоминания о случаях подкупа служащих, чиновников, судей и др. можно найти и в Библии, и в древних летописях, и в государственных актах, датированных разными веками. В «Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (Египет, XXI в. до н.э.) предлагаются меры предупреждения коррупции: «Возвышай своих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам. Непристрастен тот, кто богат в своем доме, он владыка вещей и не нуждается» [1, с. 17–21].

Одна из первых попыток определения коррупции и мер противодействия этому явлению была предпринята в Римской империи. Там на законодательном уровне было введено в качестве наказуемого деяние, обозначаемое термином "коррупция", состоявшее в подкупе лица, облеченного публичной властью. Коррупция от лат. *corruptio* – подкуп, порча, растление. В качестве глобальной социальной проблемы коррупция была осознана значительно позднее. Лишь в 1979 г. в рамках ООН был проведен международный круглый стол, посвященный борьбе с всевозможными коррупционными проявлениями. Итогом стала дефиниция, где коррупция определялась как «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [2, с. 4].

Сложившаяся к тому времени ситуация в мире, связанная с расследованием «громких» дел об организованной преступности, мафиозных структурах, позволила правоохранительным органам сделать выводы о причастности к деятельности таких структур чиновников, государственных служащих различного ранга. Действие под прикрытием этих людей, собственно, и делало возможным существование организованных сообществ. Причем с их стороны всегда присутствовали корыстная заинтересованность и прямой умысел. Однако коррупция связана не только с организованной преступностью, но является частью преступности вообще, подразумевая существование коррумпированности и потенциально возможной подкупности чиновников в системе властно-бюрократических структур любого общества. Ее модификации, как показывает следственная и судебная практика, чрезвычайно разнообразны. Учитывая этот фактор, в белорусском законодательстве были сформированы «формулы» коррупционных рисков в деятельности служащих.

В соответствии с Законом о борьбе с коррупцией [7] к правонарушениям, создающим условия для коррупции, относятся:

- все формы вмешательства государственного должностного лица в деятельность иных государственных органов и организаций, не основанного на законодательстве и не обусловленного реализацией служебных полномочий;

- любые формы использования должностного положения или информации, содержащей сведения, составляющие государственные секреты, коммерческую, банковскую или иную охраняемую законом тайну, полученной при исполнении им служебных (трудовых) обязанностей, во внеслужебных целях (в личных или групповых интересах), сопряженные с получением незаконного вознаграждения в любой форме;

- случаи оказания неправомерного и необоснованного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставления им необоснованных льгот и привилегий или оказания содействия в таком предоставлении; а также случаи участия должностного лица в качестве их поверенного;

- все нарушения в работе с информацией, касающейся физических или юридических лиц: отказ и нарушение сроков в ее предоставлении; требование дополнительных сведений, не основанное на нормах законодательства, умышленное искажение и помехи в ее получении в других органах и организациях;

- делегирование служебных полномочий, не предусмотренное законодательством, равно как и требование спонсорской помощи;

- случаи нарушения правил организации конкурсов и аукционов, а также препятствование физическим и юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов.

Все эти действия, не являясь напрямую составами преступлений, могут содержать в себе элементы того или иного уголовно-правового состава, при дополнении которых обстоятельства места и времени, причинно-следственной связи и т.п., могут стать таковыми в полном объеме и повлечь уголовную ответственность. К коррупционным составам традиционно относятся: взяточничество во всех проявлениях (получение, дача и посредничество во взяточничестве), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и др.

С социально-экономической точки зрения коррупция представляет собой систему незаконных отношений, основанных на возмездных принципах вплоть до полного отрицания каких-либо морально-этических норм. Это система отношений, при которой все продается и покупается [3, с. 7-8]. С юридических позиций, это – общественно-опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц [4, с. 256]. Эти позиции дополняют друг друга, подчеркивая, что особенность коррупционного поведения, которое может наблюдаться в ряде самых различных ситуаций, состоит в нелегальном (или несанкционированном) характере передачи денег (или какого-либо эквивалента) от одного лица к другому [5, с. 10]. При этом заметим, одно из этих лиц (получающее вознаграждение) должно обладать властно-распорядительными полномочиями и использовать их во внеслужебных целях.

Таким образом, коррупция обладает свойством распространяться в сфере государственного управления, особенно там, где закон и служебные обязанности лица допускают принятие одного из нескольких вариантов решений. Вариативность в деятельности управленца создает потенциальную угрозу законности, с одной стороны, но, с другой – именно она и позволяет принимать адекватные и конкретные решения (индивидуальные акты), учитывающие все особенности обратившегося в государственный орган субъекта. Поэтому в настоящее время один из способов предупреждения коррупции, и эта мера есть в Конвенции ООН против коррупции, – это усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений [6, ст. 13].

Следующим признаком коррупции является повышенная общественная опасность. Любое противозаконное действие уже опасно, потому и наказуемо. Поскольку если закон устанавливает и гарантирует определенный набор прав и свобод, то действие вопреки ему эти права нарушает. Но в случае коррупционного правонарушения негативные последствия усугубляются потенциально возможной заменой в будущем правовых норм и правил интересами отдельного лица или группы лиц (недобросовестных чиновников, их родных и знакомых, например). В связи с этим, во всех государствах мира существует ответственность (в большинстве случаев – уголовная) за коррупционные деяния, которые, как правило, относятся к категории тяжких и влекут за собой более суровые меры ответственности. В качестве профилактических мероприятий, в этом случае, используются информирование служащих о составе коррупционных правонарушений и мерах наказания, а также ротация кадров в организациях и учреждениях, которая не позволяет сформироваться слишком «тесным» социальным связям, перерастающим в зависимости. Такой своеобразный «team building» наоборот.

И последний из наиболее важных социально-правовых признаков коррупции – это повышенная латентность. Естественно, что правонарушитель практически всегда за-

интересован в сокрытии своих действий. Что же касается коррупционных сделок, то все их участники заинтересованы в сохранении тайны. Ведь, помимо желаемого результата, и ответственность наступает как для «берущей», так и «дающей» взятку стороны. Противостоять этому позволяет проведение мероприятий информационного характера, повышение уровня публичности и гласности в деятельности государственных органов.

Анализ этих признаков позволил сформировать на уровне национального законодательства определение коррупции в качестве умышленного использования государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное лицо совершило действие или воздержалось от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей [7, ст. 1].

Однако для эффективного противодействия коррупции недостаточно законодательно урегулировать этот процесс, требуется существенно изменить ряд общественных отношений, норм и правил, действующих в них. Ведь коррупцию можно представить в виде модели проблемной ситуации, связанной с необходимостью преодоления бюрократических барьеров или обхода административных процедур противозаконным путем, с целью удовлетворения личных интересов, при условии использования служебных полномочий должностного лица либо приравненного к нему, действующего за вознаграждение в любой форме (кроме установленной законодательством заработной платы). При этом не стоит забывать еще об одной стороне коррупционных рисков – опасности злоупотреблений после ухода с государственной службы.

Дело в том, что уходя со своей должности и становясь руководителем, например, какой-либо частной структуры, бывший госслужащий продолжает оставаться владельцем определенной доли информации и властных связей. За рубежом в некоторых странах сложилась общепринятая практика, когда в течение определенного времени существует необходимость согласования чиновником, после увольнения с государственной службы, своего перехода в коммерческие организации. Особенно это важно, если его новая служебная деятельность как-либо связана с прежней должностной сферой. Подобная ситуация имеет ряд отрицательных моментов: во-первых, существует опасность создания ситуации недобросовестной конкуренции среди субъектов хозяйствования, а, во-вторых, возможное сращивание государственного аппарата с бизнесом является «почвой» для различных злоупотреблений. Это связано с потенциально опасной ситуацией вмешательства в систему социального и государственно-административного контроля за соблюдением законности и равенства в правах субъектов. Думается, предупреждение таких негативных явлений тоже требует дополнительного социально-правового регулирования.

Для результативной борьбы с этим опасным явлением необходим комплекс адекватных социально-правовых мер, направленных не только на выявление коррупционных правонарушений, их раскрытие и привлечение виновных к ответственности, но и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым коррупционным проявлениям, что является одним из важных факторов обеспечения социальной безопасности граждан. При этом многоаспектная деятельность по пресечению начатых коррупционных правонарушений, предотвращению готовящихся и профилактике возможных в будущем коррупционных рисков должна быть безразлична всем субъектам

общественных отношений, особенно если эти отношения нестабильны и находятся в состоянии трансформаций.

Список цитированных источников

1. История древнего востока. Тексты и документы: учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – 660 с.
2. Петрович, А.И. Коррупция: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.И. Петрович, Н.О. Бобровская. – Минск: ЧИУП, 2009. – 48 с.
3. Пешко, Д.А. Механизм формирования коррумпированных структур / Д.А. Пешко, В.А. Дадалко. – Минск: Науч. центр маркетинговых исследований ПКК «Армита», 1994. – 107 с.
4. Додонов, В.Н. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова [и др.]. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
5. Левин, М.И. Лекции по экономике коррупции / М.И. Левин, Е.А. Левина, Е.В. Покатович – М.: Издат. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 340 с.
6. Конвенция ООН против коррупции / ООН: Управление по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2004. – 72 с.
7. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 20.07.2006 г. / Национальный реестр правовых актов от 26.07.2006 г. № 2/1262. – [Электронный интернет-ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.by. – Дата доступа: 25.03.12 г.

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА ЦЕННОСТНУЮ ИЕРАРХИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лукашевич В.К.

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Ориентация на инновационные преобразования как путь решения актуальных проблем в различных сферах жизнедеятельности современного общества – явление не только устойчивое (о чем наглядно свидетельствуют постоянство усилий, направленных на их интенсификацию и масштабный рост), но и требующее его осмысления в русле адекватных контекстов. Важнейший из них задается сущностью инновации как альтернативы тому, что в настоящее время существует (доминирует) в определенной сфере жизнедеятельности общества. Это означает, что инновации по определению подлежат ценностному измерению, поскольку претендовать на статус сколь-нибудь значимой альтернативы существующему (доминирующему) может лишь то, что квалифицируется как более ценное.

Если принять вытекающее отсюда следствие, а именно, то что инновация по своей природе – это альтернативная ценность, то в соответствии с заявленной темой далее предстоит выявить каналы и способы ее влияния на динамику ценностных отношений и ценностную иерархию в конкретных сферах жизнедеятельности социума и на этой основе в обществе в целом.

Такого рода анализ (опять же по определению) должен базироваться на генетическом подходе, предполагающем исследование изменений в ценностной иерархии коррелятивно стадиям «жизненного цикла» инновации, поскольку обоснованность, степень фундаментальности и устойчивости инновации как альтернативы существующему (доминирующему) достаточно очевидно различаются на каждой из этих стадий. При всем разнообразии представлений о наполнении «жизненного цикла» инновации конкретными стадиями и этапами [1, 2] их авторы придерживаются принципиально сходных общих установок, в соответствии с которыми выделяются стадии разработки, внедрения и превращения инновации в рутинное образование. Адаптируя эту процессуальную схему к анализу ценностных аспектов генезиса, функционирования и рuti-